

Мостик над бездной/ рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Мостик над бездной/ рассказ МОСТИК НАД БЕЗДНОЙ

Закрыв за тренером дверь, Андрей развернул коляску и, кряхтя, управляясь с колёсами вручную, поехал в метариум. Раньше это давалось ему легко – крутить колёса руками; раньше и руки были другими, жилисто-мускулистыми, ловкими и хватливыми. А сейчас что? Тренер прав: расслабился он, залип в своём метамире, напрочь забросив спорт. «И не удивительно, – подумал Андрей, вкатывая себя в комнату с приглушённым светом и двумя вертикальными капсульными порталами, расположенными по отношению друг к другу как две почки в теле. – Забросишь тут!..»

Одна из «почек» была размером чуть меньше: в ней флоатила Маша, жена Андрея. Приблизившись к прозрачной капсуле, Андрей взгляделся в безмятежное, как бы овечьное дымкой мечтательности лицо жены. В последнее время к этой умиротворенной мечтательности добавилось кое-что еще. Что-то новое. «Счастье. Она счастлива», – в который раз за эти четыре месяца определил для себя Андрей и почувствовал, как его собственное сердце начинает трепетать и сладостно сжиматься при мысли о случившемся с ними... о случившемся с ними чуде.

Да, именно чуде. Андрей всю жизнь считал себя реалистом и даже скептиком. Но с некоторых пор всё это перестало иметь значение – и его скептический реализм, и сама реальность. То есть «реальность». Андрей улыбнулся, вспомнив манеру Маши брать это слово в кавычки во время их жарких философских споров. Кавычки, особенно правая, стоили Маше больших усилий, но она упорно повторяла и повторяла этот жест: делала из пальцев «заячьи ушки» и дважды их сгибала-разгибала. Точнее, пыталась. Ее руки мелко дрожали, пальцы не слушались, и Андрей с трудом подавлял в себе первый порыв, продиктованный острой жалостью и

потому оскорбительный для Маши, – остановить это, взять ее руки в свои, согреть, успокоить дрожь...

Другое дело – метамир. Там Машины кавычки получались милыми и изящными. И сама она была – тоненькой, изящной и очень милой.

– Мы относимся к реальности как к некому исходнику, субстанциональной базе, черепахе для всех слонов, – говорила Маша в тот памятный день их встречи на Форуме киблогеров. – Но что заставляет нас это делать? Что заставляет нас принимать всерьёз только ее? Смерть? Но смерть – это есть часть реальности (кавычки). Это приспособление, уловка реальности (кавычки) быть для нас такой безмерно значимой и ценной. Если отнять у реальности смерть, то ничего и не останется, ничего! В смысле, ничего такого, что делало бы ее чем-то единственно подлинным, безусловным.

Тогда, на Форуме, Андрей смотрел на Машу и думал, что, не будь он калекой с тяжёлым врождённым увечьем, то мог бы провести с такой девушкой всю свою жизнь, всю отпущенную на его срок «реальность», в кавычках или без оных. Очень уж импонировал ему склад ума симпатичной докладчицы. Ее речь, ее мимика, ее мысли, и даже эти ее кавычки, слегка дурацкие...

А еще: она то и дело поглядывала на него. Нет-нет да и бросит быстрый лучистый взгляд. Андрей не стал ждать окончания Форума – ушел не прощаясь; просто растворился в воздухе, вот и всё.

Во второй раз они встретились пару дней спустя – в доме танго в локации «Буэнос-Айрес». Самое забавное, что Андрей никакими танцами, а уж тем более танго, сроду не увлекался, зарулил в этот клуб случайно, коротая бессонную ночь за пустым занятием – бродилками по Сети. Обнаружив себя за столиком с видом на зал, полный танцующих пар, Андрей оценил обстановку и быстро понял, что задержится здесь недолго – минут на десять. Ровно столько Андрею требовалось, чтобы выпить бокал вина и поскибить, куда бы ещё податься. Девушка в чёрном платье, сидевшая за соседним столиком, кинула на него взгляд и вдруг

просияла: о-о! В следующий миг она смутилась и поспешно отвела глаза. В самом деле, чему тут радоваться? Ну да, ну виделись на Форуме, – ну и что?

Андрей, конечно, тоже ее узнал.

– Привет! – сказал он. – Вот так совпадение!

Мария облегченно и благодарно выдохнула:

– Да уж, не говорите!

– Я знал, что метамир тесен, но что настолько...

– «Метамир – это только мостик... куда-то ещё», – процитировала Маша слова, сказанные им на Форуме, и глаза ее вспыхнули тем же лучистым, заговорщицким взглядом, который Андрей уже помнил и от которого недавно столь малодушно сбежал.

Но теперь убегать ему не хотелось.

– Андрей, – представился он, неловко, между столиками, протягивая ей руку.

– Я знаю, – рассмеялась Маша, но ладонь в его руку всё-таки вложила.

– А я знаю, что вы – Мария, – улыбнулся Андрей и почувствовал, как лёгкое мерцающее покалывание, похожее на мурашки, пробегает по внутренней части его кисти: так в метамире ощущалось прикосновение.

– Только не говорите, что вы здесь случайно и что танго вы не танцуете, – хихикнула девушка и посмотрела на него такими сияющими, такими по-детски праздничными глазами, что Андрей не посмел ее разочаровывать и немедленно пригласил на танец.

Прошел целый год, прежде чем они встретились вживую. Для этого Андрею пришлось катнуться на метро до самой Москвы, держа на коленях букет жёлто-лиловых фрезий и маленький торт с фигуркой из марципана – пара танцует танго.

За этих марципановых танцоров Андрей цеплялся взглядом весь вечер, проведённый с живой, настоящей Машей. С Машей, которую ждала Смерть.

– Видишь? У меня тут всё продумано, – познакомила его Маша со своим бытом, который действительно был идеально подогнан к ее особенностям и состоял из множества «умных гаджетов»,

вертевшихся вокруг ежедневных потребностей Маши подобно стайке шустрых толковых слуг. – Ты что будешь – чай, кофе, лимонад? Есть ещё пиво. Не стесняйся.

Голос у Маши был какой-то мультяшный и гнусавый – из-за деформации внутренних органов, вызванной ее заболеванием. При звуках «н» и «м» в носу что-то негромко щёлкало. Но в остальном произношение было довольно внятное: всё, что она говорила, можно было понять.

Однако Андрей ничего не понимал, ничего! Он был потрясён, огорошен. Не ее внешним видом, нет: увидеть свою Марию во плоти он был готов уже давно (всё, что можно было посмотреть и почитать в Сети о «хрустальных людях», было им просмотрено и прочитано). Его потрясло – а сказать точнее, сокрушило, повергло с небес на землю – испытанное им чувство безысходности, ударившее в его душу тупым тараном. Это чувство сосредоточилось в одном-единственном слове: «Зачем?» Он совершил фатальную ошибку, явившись сюда. Зачем он это сделал? Зачем?..

Может, окажись Маша вся другая, целиком, ему было бы легче на нее смотреть, проще привыкнуть... Но прекрасное лицо, столь хорошо знакомое Андрею по их встречам в метамире, осталось прежним – только теперь оно выглядело маской, криво сидящей на бесформенной человекоподобной кучке. словно ту Машу, которую он знал и любил, кто-то скомкал и шлёпнул в инвалидное кресло, навсегда к нему прилепив.

Маша между тем продолжала приветливо щебетать своим мультяшным голоском, гнусавя и пощёлкивая носом, отхлёбывая чай из дрожащей в ее руке чашки-непроливайки и размазывая по блюдцу розовый жирный крем. Только потом, гораздо позже, Андрей осознал, чего стоила Маше эта гостеприимно-непринуждённая «болтовня», эти потуги держать себя с ним как ни в чем не бывало; как если бы они занимались чем-то обычным – летали над гигантскими секвойями и кратерами вулканов или резвились дельфинами в водах Метакеана.

В конце концов Андрею удалось взять себя в руки и

абстрагироваться от... от уродства Маши. Именно от уродства, да. Вещи лучше называть своими именами, считал Андрей, даже если всё в тебе сопротивляется и восстаёт против их названий.

Самая прекрасная на свете женщина была уродом. И он был тоже уродом. Так обстояли дела в той странной, похожей на кривое зазеркалье локации, именуемой «объективной реальностью», где они с Машей сидели за столом в своих колясках и говорили о том о сём. О жизни, о смерти, о погоде в Москве и в Питере... но в основном о смерти, конечно.

Они оба готовились умереть. Подумать только...

Андрей коснулся оболочки Машиной капсулы, чуть надавил и, проникнув ладонью внутрь, погладил спящую жену по щеке. То есть, она не спала, конечно. Как раз наоборот. Она – бодрствовала.

Присоединиться к ней сейчас? Андрей глянул на часы. До вечернего ввода пищи и биотоников оставалось еще минут сорок. Можно, конечно, нарушить график и подкормить Машу раньше положенного, но Андрей предпочитал не отклоняться от расписания. Особенно теперь, когда... В общем, когда они оба поняли, что смерть в их планы больше не входит.

– Знаешь, о чем я думаю? – спросила как-то Маша в самом начале их стремительно разгоравшегося романа. – Я думаю, что метамир, конечно, один для всех, но по сути у нас с ними разные метамиры. Ну, с полноценными. С физически здоровыми людьми, у которых есть руки-ноги.

– Вполне может быть, – сказал Андрей, зарываясь лицом в ее пушистые светлые волосы, влажные после купания. – Но мне вообще-то кажется, что метамир «свой» у каждого из нас, вне зависимости от наличия рук и ног. Сколько людей – столько и...

– Ну это понятно, – нетерпеливо отмахнулась Маша. – Но я немножечко о другом. Для них, здоровых, виртуальные руки-ноги – что-то вроде проекций их реальных рук-ног. Более красивые, стройные, «улучшенные» – но всего лишь проекции. Они знают, каково это – двигать ими, чувствовать, управлять. У них есть опыт владения собственным телом, и они просто переносят его

сюда. А для нас... для нас это всё как сон. Как волшебство какое-то. И в то же время – как явь, самая что ни на есть доподлинная, пронзительно проживаемая... и я бы даже сказала – единственная. Единственная явь, которая у нас есть.

– И эта явь мне определённо нравится, – мурлыкнул Андрей, целуя ее за ушком.

Они валялись голышом на райском безлюдном пляже, две загорелые фигурки на белом песке, омываемом бирюзовыми волнами. Меньше всего на свете Андрею хотелось думать про какое-то далёкое параллельное измерение, в котором с их руками-ногами, а также прочими частями тела, было не всё в порядке.

Но он уже знал: стоит Маше запрыгнуть на своего любимого конька, и ее не остановить.

– Нет, в самом деле, – продолжала развивать Маша, – вот я сейчас кладу свою ногу на твоё бедро, да? Скажи мне, откуда моей здешней ноге известно, как это делать? Откуда он, этот навык? Я ведь даже не знаю, что такое эта моя нога. То есть, умом я знаю, что такое моя нога и из чего она состоит: из ничего, из «мурашек», из сетчатого чулка электронных импульсов, натянутого на пустоту и придавшего ей в моем сознании форму ноги. Есть ли там, внутри, кости и суставы, которые сгибаются, мышцы, которые сокращаются? Нет, ничего этого нет. Я знаю, что если порезать кожу – пойдёт кровь, но также я знаю, что эта кровь существует внутри не всегда, а возникает непосредственно в миг пореза. Моя нога с точки зрения реальности – просто фикция, химера. С точки зрения реальности, у меня ее нет, ноги. И это правда: у меня ее нет, не было никогда и не будет. Но вот я лежу с тобой здесь на пляже, делаю так (Маша еще теснее к нему прижалась и чувственно-нежно поелозила ногой по его бедру, рискуя потерять в лице Андрея осмысленного собеседника) ...делаю так, и у меня, у безногой девушки, появляется этот опыт – опыт закидывания ноги на бедро любимого. В моем мозгу возникают новые нейронные связи, отвечающие за это; моя память фиксирует: это было! «Будь там, где это было, где это возможно, где это будет с тобой опять!» – кричат мне мои инстинкты. Мой, как ты говоришь, живот. Понимаешь, в чем разница? Для меня это не

альтернативный прогулочный-развлекательный мир, для меня это жизнь, живот. Эх, если бы только я могла отрезать себя от тела!.. освободиться от него навсегда, полностью закачать себя в метамир! Как ты думаешь, изобретут когда-нибудь способ это сделать?

– Изобретут, – пробормотал Андрей, вконец изнемогший от вождения. – Когда-нибудь... Обязательно...

На самом деле Андрей не верил, что когда-нибудь что-то такое изобретут. Пробовали уже. Подкрадывались к желаемому так близко, что на радостях объявляли его действительным. И даже патентовали.

Но – нет, нет. Всё это было не то. Никому ещё не удалось избавиться от тела, закачав себя в Сеть и обрета бессмертие. Закачать удавалось – точную копию, двойника, «однойцевого близнеца» своей уникально-неповторимой личности, и этот фантом даже начинал там, в Сети, самостоятельно жить, как-то проявляться и что-то делать в отрыве от своего исходника, впрочем, недолго – на пятый-шестой день он бесследно рассасывался. Но главная проблема была не в этом.

Главная проблема была в том, что человек «загружался» в Сеть по принципу делящейся клетки: в результате эксперимента из одной уникальной личности получались две – одна по эту, вторая по ту сторону портала. И даже если предположить, что со временем виртуальную копию научатся «вылечивать» от смерти, то даст ли это что-нибудь ее исходнику, человеку биологическому? Оставшийся по эту сторону, он всё равно умрет, рано или поздно, но неизбежно.

Одним словом, к идее кибернетического бессмертия Андрей относился, что называется, с осторожностью. Допускал, что когда-нибудь к нему придут, но только не таким способом, не путём перекачки в Сеть живого человеческого сознания без сохранения связи с телом.

Как-то по-другому... Но как?

«...вся история человечества – это поиск бессмертия, путь к

нему, и всегда этот путь лежал по твёрдой земной поверхности, а сейчас мы дошли до хлипкого мостика над бездной и стоим на нем, вцепившись в перилла и раскачиваясь на бешеном виртуальном ветру...»

Подумать только, когда-то он изъяснялся так выпренне – прямо поэт! Там, на Форуме, мало кто обратил внимание на эти его слова, мало кого они по-настоящему впечатлили. Но одной девушке с карими сияющими глазами они запали в душу – уж это точно! Одна девушка сумела их оценить.

«Этот мостик создан нами, людьми. Рукотворен. То есть разумотворен, если сказать точнее. Человеческий разум сотворил все эти виртуальные измерения, кибер-пространства и метаиры. Они восхитительны – многомерны, просторны, многообразны, но, к сожалению, они имеют свои пределы; они – искусственны, а потому исчерпаемы. Как всё, созданное человеком. Поэтому осмелюсь предположить, что не они являются конечной целью, не в них будет обитать человек, преодолев свою природу и достигнув бессмертия. Они лишь мостик. Куда-то ещё...»

Андрей понятия не имел, что на него нашло, откуда вдруг проклюнулся такой пафос... Он вообще не собирался произносить речей, да и на сам этот Форум он скибнул случайно и наобум, из праздного любопытства.

Мог ли он предположить, что этот «обум» станет решающим в его жизни, что в ней появится Маша, и что они с Машей так скоро обнаружат себя там, где сейчас они есть: на хлипком мостике через бездну?

Переведя портал в горизонтальное положение, Андрей поместил себя на ложе капсулы, удобно вытянулся, хрустнув косточками, и запустил программу кибер-флоатинга.

Через минуту он уже выглядел крепко спящим; его тело парило в невесомости, облепленное тысячами плоских чешуек-проводников, похожих на медицинские датчики. Только эти датчики передавали в обратном направлении: они создавали другую реальность для тела Андрея, окутывали и обволакивали его, словно паутиной,

тончайшей сетью инновосприятия. Когда сознание Андрея включилось в метамире, портал плавно перешел в вертикальное положение – словно распрямился примятый стебель с прозрачным бутонем, в котором покачивался, как в маленьком тесно-уютном космосе, расслабленный человек.

– А вот и я, – сказал Андрей, соткавшись из воздуха рядом с Машей.

– Как-то ты долго... Я уже начала беспокоиться.

Маша полулежала в круглом плетёном гамаке, раскачивая себя толчками босой ступни. Вокруг неё бушевало лето – пышное, среднерусское, радующее глаз обилием цветов и каких-то нарядных садовых кустарников, разведением которых Маша увлекалась в своем добровольном (самовольном, если сказать вернее) заточении.

– Да задержался: решил посмотреть, как проходит твой приём пищи. Просто чтобы убедиться, что всё в порядке.

– Ну и как, всё в порядке? – с улыбкой спросила Маша. – Пища поступает? Отходы выводятся? Ну и славно, иди ко мне, – не дожидаясь ответа, раскрыла она ему свои объятья.

Корзина гамака была широкой, рассчитанной на двоих. Андрей устроился рядом с Машей, потёрся лбом о ее плечо, вдыхая любимый запах.

– А я уж думала, это тренер тебя задержал. Как он там, кстати? Опять ругался? Еще не спрашивал, под которым из кактусов ты закопал мои кости?

– Спрашивал, – со вздохом признался Андрей. – Ещё как спрашивал. Ходил по всей квартире, рыскал глазами. Почему, говорит, я как ни приду – Маша всё время спит? Еле выпроводил его!

– Тоже мне детектив! – фыркнула Маша.

– Маш, а Маш? – помолчав, произнёс Андрей. – Может, тебе всё же стоит иногда отключаться? Хоть раз в неделю, по понедельникам?..

Маша мгновенно напряглась:

– Нет. Я не могу. Ты что?!

– Понял, понял, – сдался Андрей без боя.

Но Маша всё равно уже расстроилась и принялась плакать.

– Я не могу так рисковать, как ты не понимаешь?! – причитала она. – Всё может оборваться в любой момент! Откуда мы знаем, как это здесь работает, что можно и чего нельзя, а вдруг я вернусь – а его уже нет, а я его потеряла...

– Ну всё, всё, – попытался успокоить ее Андрей. – Я... пошутил. Прости.

– Шутки у тебя – дурацкие! – всхлипывала Маша.

Внезапно ее лицо, мокрое от слёз, сделалось настороженно-изумлённым, глаза расширились... А ещё через миг Маша, тихо ойкнув и просияв улыбкой, нащупала и крепко сжала его запястье.

– Что? – заволновался Андрей. – Что?!

Маша притянула его руку повыше и приложила ладонью к своему животу, ставшему за последние месяцы выпуклым и упругим. Андрей ощутил привычные «мурашки» прикосновения. И что-то ещё. Что-то мягко стукнуло в середину его ладони.

– Вот! – ликовала Маша. – Чувствуешь?! Толкается! А ты говоришь – отключаться! по понедельникам! Ну что у нас за папа? – воркуя, обратилась она уже не к нему. – Ну не дурак ли?

Андрей стоял на краю крутого травянистого взгорка, которым кончались их с Машей уголья, и смотрел на реку внизу. По реке дрейфовала лодка с двумя рыбаками. На другом берегу лежали аккуратные свежееубранные поля с рассыпанными там и сям рулончиками сена. Живописная летняя пастораль.

«Вот бы сигарету сейчас», – подумал Андрей, когда-то куривший в реальном мире.

Ладонь всё ещё хранила то ощущение – неожиданное, ни с чем не сравнимое, ошарашившее его. словно маленький дельфинчик ткнулся носом ему в руку сквозь натянутую кожу Машиного живота. Поздоровался с ним вслепую.

Что он за существо? Кто он?

Когда (если) он родится, то будет принадлежать только этому измерению, метамиру. Ничто не будет связывать его с

реальностью, у него не будет тела, обречённого жить и умереть, у него не будет костей и мяса, а если он, упав, расшибёт коленку, выступившая кровь будет не более чем иллюзией, чем-то вроде дани непонятым традициям, не имеющих к нему никакого отношения.

...Он будет тем, кто перейдёт по хлипкому мостику через бездну. Вот кем он будет, его сын. Или дочь.

«Нельзя закачать себя в метамир. В нем можно только родиться», – оформил Андрей в слова совершенное им открытие, после чего вытащил из кармана джинсов пачку сигарет, которой ещё секунду назад там не было, и закурил с острым и жадным, человеческим удовольствием.

Об авторе: ТАТЬЯНА КАЛУГИНА

Поэт, прозаик. Родилась в г. Норильске, по образованию филолог. Живет в Москве. Автор трех стихотворных сборников и ряда журнальных публикаций, поэтических и прозаических (журналы «Арион», «Знамя», «Новая Юность», «Октябрь», «Нева», «Номо Legens», «Плавучий мост».) Neкаýalar